

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Ж 93

Оформление *Б. Б. Протопопова*

Жухрай В.
Ж 93   Личная спецслужба Сталина / Владимир Жухрай. – М. :
Алгоритм, 2014. – 240 с. – (Рядом со Сталиным).

ISBN 978-5-4438-0771-3

Владимир Михайлович Жухрай получил генеральское звание, будучи... 22 лет от роду. И произошло это не на полях колоссальных кровопролитных сражений, где, случается, места погибших военачальников занимают выдающиеся молодые офицеры, а в тяжелые и далеко не самые «удобные» для головокружительной карьеры первые послевоенные годы.

В 1948-м Жухрай в звании генерал-майора возглавил аналитический отдел личной секретной службы Сталина. Со своим отделом молодой (чтобы не сказать «юный») генерал курировал стратегическую разведку и контрразведку на «фронтах» глобальной холодной войны, был, разумеется, особо приближен к «отцу народов», знал великое множество наиболее строго охранявшихся секретов того времени.

Чем занималась личная спецслужба генералиссимуса? Кто входил в число ее главных противников? На эти и другие вопросы читатель найдет, возможно, несколько неожиданные для него ответы в представленной книге.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-4438-0771-3

© Жухрай В.М., 2014
© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

СТАЛЬНАЯ МАСКА

«Московский комсомолец» от 20 мая 2008 г.

*«МК» прикоснулся к тайне неизвестных детей
«отца всех народов»*

К 55-й юбилейной годовщине со дня смерти Сталина был проведен опрос среди молодежи: как они относятся к «отцу народов»? И выяснилась парадоксальная вещь — наши юные соотечественники больше не считают его тираном.

Сталин сегодня — один из величайших политиков XX века, символ России, ее имперского могущества. «Без Сталина мы бы не победили в войне», — уверены нынешние двадцатилетние.

А ведь еще десять лет назад никто и помыслить не мог о подобной интерпретации этого образа.

Но времена меняются, меняются люди.

Нам удалось разыскать человека, который утверждает, что лично знал Иосифа Виссарионовича и даже не раз являлся к нему на доклад, переодетый в рясу монаха.

Сейчас его зовут Владимир Жухрай, он писатель. Но кем он был прежде, при жизни вождя, почему его мать запросто могла привести его за руку к Сталину в кабинет для воспитательной беседы и почему все, кто знаком с Жухраем, уверяют, что у него одно лицо с «отцом всех народов»

Генерал-полковничья форма висит на дверце шкафа в квартире на Ленинском. Высокие потолки под стать 82-летнему хозяину. Старик грозен и грузен.

И похож на многочисленные портреты у себя за спиной.

На фото — Сталин.

Передо мной — он же, только без оспин и без усов.

Переживший самого себя лет на десять и избавившийся от кавказского акцента.

«Говорят, я был самый доверенный человек у вождя.

Пусть так, для моего самолюбия эта сказка сверхприятна», — изучая меня, негромко произносит собеседник.

Кто передо мной — профессор, историк, один из многих, кто пишет о том времени. Или...

«Ко мне из ФСБ приходили — говорят, признайтесь, что вы — сын Сталина, генерал Марков, легендарный летчик, в 17 лет ставший Героем Советского Союза. Нет, говорю, я — писатель Владимир Жухрай. Других чинов мне не надобно».

Он согласился со мной встретиться только для того, чтобы продиктовать свои взгляды на некоторые аспекты Великой Отечественной войны и о роли в победе великого Сталина. Не более...

Имени этого человека не найти ни в одних мемуарах. Но там, где надо, о нем знают.

Хотя его биография кажется невероятной даже для вымысла.

Неужели вот этот седой старик, когда ему было 22 года, командовал вытянувшимися в струнку генералами?

Он, по личному приказу Генералиссимуса ставший главой аналитического отдела его контрразведки?

А может, это и есть сказка?

Как и чем объяснить головокружительный взлет и странную близость к вождю, не доверявшему никому, и последующее полувековое молчание?

Только в документальных книгах, которые писатель Жухрай сегодня пишет, нет-нет да и проскользнут сенсационные бумаги из личного сталинского архива.

Который никто никогда не увидел.

«Ты, махновский бандит!»

— Мне этот архив сразу после смерти Сталина дал Александр Джуга*, мой большой друг, кстати говоря, и самый дорогой человек в жизни, — говорит Владимир Жухрай. — Он передал все документы, расшифровки, донесения наших и чужих агентов с 41-го по 45-й год. На агентурных донесениях на обороте было указано: кто источник, где работает. Поэтому я предупредил, чтобы эти бумаги, когда я их верну, немедленно сожгли. У себя я их держать тоже не мог, чтобы не продали. Но Саша Джуга сказал: поскольку ты будущий писатель, тебе надо их знать, напишешь потом хорошую книгу.

— *А кто он такой — Александр Джуга?*

— Начальник сталинской контрразведки. Вся агентура его стояла над членами Политбюро: его приказ — и их бы пристрелили как бешеных собак. Но сам нигде не фигурировал. Он был родным сыном Сталина, что не скрывалось, — произносит он и как отрезает: — Давай так. О личном — не задавать.

— *Ну, извините, Владимир Михайлович, но как тогда объяснить, что мы публикуем вашу точку зрения о войне, чем она интересна, ежели не сообщить, что вы работали с Иосифом Виссарионовичем?*

Будто и не слышит.

— В годы «холодной войны» в недрах западных разведок были изложены пять основных антисоветских мифов, призванных оболгать историю Великой Отечественной войны, — начинает мне диктовать. — В результате в средствах массовой дезинформации она стала подаваться как пиррова победа, — говорит отрывисто, четко, не оставляя времени на вопросы. — При помощи этой грязной клеветы наши идеологические противники хотели очернить ис-

---

* Помощник генерала Лаврова, начальника личной разведки и контрразведки И.В.Сталина.

торическое прошлое советского народа и преуменьшить его значение в воспитании будущих поколений». Записала?

— *Записала. Владимир Михайлович, а когда вы познакомились с товарищем Сталиным?*

— Первый раз я увидел Сталина в Волынском, на его даче, — неожиданно отреагировал он. — В 40-м году. Мне было 14 лет. Я ударил десятиклассника стулом по голове, и тот три часа не мог прийти в чувство. Меня за этот бандитизм из школы выгнали, и мать привезла меня к Сталину, чтобы Отец народов прочитал мне нотацию.

— *Школьника-хулигана — к первому человеку страны?..*

— Моя мама была не простая женщина, а акушер-гинеколог Кремля — в третьей группе, где обслуживали семьи членов Политбюро. Мать была ближайшим другом Сталина, он к ней относился удивительно просто и нежно. Даже не знаю почему. Мама вообще вела себя как царица, никого не признавала. Отец наш великий все для нее делал.

А я был зеленый сопляк. И надо было меня оторвать от улицы, от дружков — поэтому меня мать с собой на врачебные вызовы брала. Пока она осмотр вела, я гулял. Я с матерью на разных машинах к членам Политбюро ездил — например, у Лазаря Кагановича она принимала роды у дочери, дома, в Кремле. И тот ей ручки целовал. У Аллилуевой роды не она принимала — та, дура, убежала куда-то на конец города, и ее искали с собаками. Абсолютно больная женщина, совершенно при этом несчастная. Она не обращала внимания на детей, они ее забыли на третий день после ее самоубийства... Мне Николаев, близкий сотрудник Сталина, рассказывал, как тот еще при жизни жены жаловался: «Я не могу уделять своим детям время, сплю по два-три часа, а Надежда ими заниматься не хочет».

Так что я к издержкам материнской профессии привык. Но не знал, что в тот раз она везла меня не к пациентке, а к Сталину за выволочкой. Приехали — забор огромный, мы без проверки в ворота въехали. А там он — па-

мятник! Отец народов. ЖИВОЙ! У меня аж ноги подкосились. Вошли в комнату, где Политбюро заседало, а с левой стороны — его спальня. Колоссальных размеров стол накрыт накрахмаленной скатертью, на нем чайник электрический и коробка шоколадных конфет. Он мне протягивает: «На, ешь!» И бросил журнал со своими снимками — чтобы я их смотрел, значит, пока он сам с матерью ушел на конец комнаты разговаривать, где портрет Ленина висел. Когда они вернулись, Сталин мне заявляет: «Ты, махновский бандит, долго еще будешь драться по улицам? — А затем, поворачиваясь к матери: — Почему ты его упустила?! Что ты прячешься за свою работу? Вот твоя работа!» И на меня указывает. Мать сидела как мышка, пока меня Сталин отчитывал.

«Все, с завтрашнего числа едешь в «Артек» на две смены. Дадут тебе красное знамя — будешь носить его на всех выходах, оправдай». Провожая, он по одной щеке вот так меня погладил, а по другой — вот так похлопал. Ну, думаю я, значит, мое дело еще не совсем гиблое...

По глобусу Хрущева

— Ну что, объяснил я тебе про свое знакомство со Сталиным? Давай по делу...

Это все вранье, что якобы из-за так называемых массовых репрессий наши Вооруженные силы остались без командования. Говорят, что 40 тысяч командиров были расстреляны к 41-му, и именно поэтому немцы дошли до Москвы.

На самом деле они были не расстреляны — уволены, а после январского пленума 39-го года 18 тысяч из них вернули обратно.

Еще один миф, что Советский Союз выиграл войну, потому что ему помогали Соединенные Штаты и Англия. И самая главная неправда — что Сталин не был великим полководцем, что он воевал по глобусу, как ляпнул Хрущ...

— *Кто, простите?*

— Хрущев. Этот враг народа... Принимал меня после смерти Сталина четыре с половиной часа. Его интересовало: знаю ли я, где находятся сталинские архивы? На что я ответил, что не архивариус и такие вещи мне неведомы. Я убежден, что он был настоящий вредитель. Хотя меня он и опасался. Когда председатель КГБ Шелепин на меня справку сочинил, Хрущев его тут же продал: «Это, — говорит, — не я — это Железный Шурик. А лично я вас люблю и уважаю». Но сам Хрущ разложил партию, отменил диктатуру пролетариата, завалил травопольную систему Вильямса... А Сталин — это гений, какого земля больше не рождала. В Гражданскую Ленин посылал его на самые ответственные операции: Царицын — Сталин, Колчак — Сталин, Юденич — тоже Сталин... Где Жуков эскадрой командовал, Сталин командовал фронтами. В Отечественную он выезжал на самые трудные участки, изучал на месте топографическую карту предстоящего боя и давал указания, как строить оборону. И в 41-м году — тоже. Он лично смотрел, как рассредоточились 19-я, 20-я и 22-я армии, проверил, как укрепляется Можайская линия. После этой инспекционной поездки было дополнительно направлено на фронт шесть стрелковых дивизий, шесть танковых бригад и десять артиллерийских полков. Вот вам и личное участие Сталина в обороне Москвы.

Спрашивали у Василевского: «Выезжал ли Сталин на фронт?» Он говорит: «Не знаю...» А я знаю из его документов, что Сталин был на всех фронтах. Мне они попадались в больших папках-скоросшивателях, отпечатанные на машинках. Так что не надо мне говорить, кто войну выиграл.

— *Но в самый страшный и безысходный момент, 22 июня 41-го года, весть о нападении фашистской Германии все же зачитал Вячеслав Молотов...*

— Потому что у Сталина началась ангина. Температура 40. Он говорить не мог. Это его самое слабое место — горло. В 48-м, когда на финской границе мы английского резидента брали, я тоже сильно простудился и свалился в горячке. И вождь просидел у моей постели целую ночь.

А врачи Четвертого управления и охрана его в передней топтались, не смея войти. Я ему объясняю: «Товарищ Сталин, нельзя вам тут быть, у вас горло». — «Опять поучаешь?.. Я сам знаю, где мне быть и что делать». Вот такой он был — Чингисхан! А все остальные, кто вокруг, — букашки. Жуков — у того вообще военного образования не было, он краткосрочные трехмесячные курсы кончал.

— *Вы и Жукова не любите?*

— Я таких коммунистов не знаю. Был у него после Победы секретный обыск на даче, где обнаружили, кажется, шестнадцать норковых шуб, вывезенных из Германии. И еще четыре тысячи метров всякого барахла типа панбархата, сорок редких гобеленов. МГБ этим занималось по приказу товарища Сталина.

— *Представляю, что вы скажете про Берию...*

— Ничего не скажу: жалкая тварь, сифилитик. Его размазали по стенке, как комара, бывшие же друзья-товарищи, но в войну он сыграл великую роль. Авиация, металлургия — это все Берия. Поэтому ему Сталин и маршала дал, хотя я в принципе был против. И еще одну сказочку развенчаю — по поводу того, что он женщин к себе в особняк насильно отвозил. Ничего подобного: все они — и школьницы, и дамы — ехали к нему по доброй воле и в твердой памяти. И сами с ним там оставались — вот это правда.

Экспонат из охраны

— Воевать я начал в 17 лет. До войны учился в аэроклубе, и одна из маминих пациенток была женой начальника этого аэроклуба. В 14 лет начал с планеров летать, и он мне дал «медвежью программу»: там, где по норме положен был новичку один полет, мне — сразу двадцать.

На фронт я попал несовершеннолетним по личному указанию Сталина; меня в «первоначалку» не взяли, потому что учить меня было нечему — я и так летал лучше всех. Василий Сталин был истребитель, а я — бомбардировщик. Пикирующий бомбардировщик. В 44-м году меня

с Малой земли выдернули, после осколочного ранения, и вызвали в Кремль, где учили по индивидуальной программе лучшие наши работники. У меня в друзьях была Аэлита, полковник госбезопасности; в сталинской охране она проработала семь лет. Она еще жива, кстати. Красавица писаная, прелестное создание — я когда ее первый раз увидел в 47-м году, в Зеленой Роще в Сочи, то поразился, что такие женщины существуют на свете. А Саша Джуга еще пошутил: «О, какие экспонаты тут водятся!»

В 22 года, в 48-м, я был назначен начальником аналитической службы сталинской контрразведки. Я был генерал-майором — не по заслугам, а по должности. У меня 11 генералов находилось в подчинении. Сталин мне полностью доверял. Первые три месяца присматривался, а потом подписывал после меня документы не читая. Однажды был такой момент: я сидел и работал, а Сталин зашел. Он говорит: «Ты пиши, а я здесь побуду». Два часа провел рядом, молчал, потом похлопал меня по спине и ушел. Акцент у него был сильный. Вот такой примерно... *(Показывает.)* Похож?

— Похож.

— Профессор Воскресенская сказала, что отличить мою речь от сталинской невозможно. Потом, у меня же одинаковый с ним почерк. Вещи удивительные происходят. Их ничем, кроме мистики, не объяснишь. Внешне мы в молодости были одно лицо с Васей Сталиным. С ним нас свел Джуга. Отца Василий страшно боялся, за него и пострадал. После смерти Сталина он плакал: «Мне не жить...» И точно: сразу эти сволочи его посадили. Отыгрались на сыне. Я Хрущеву в личной беседе заявил: «Зачем вы так? Ведь у вас тоже дети имеются. Не ровен час, жизнь — такая сложная штука...» Но он его и выпустил из тюрьмы — через год после этого разговора где-то.

— *А Яков Джугашвили с Василием Сталиным — разные?*

— Вася был хороший человек, добрый, душевный, особенно как выпьет. А Яков — дерьмо. Это не просто так, что Сталин за сына не переживал, когда тот в плену сги-

нул; была ситуация, после которой я могу сказать, что Якова можно лишь презирать. Но в чем его вина — я рассказывать не стану. И вам настоятельно советую больше меня не перебивать...

И последняя ложь, что мы совершенно не были готовы к отражению гитлеровской агрессии, что по вине Сталина немцы дошли до Москвы, что, несмотря на все донесения разведки, наши границы в июне 41-го были открыты настезь. Это не так.

К началу войны советские Вооруженные силы имели мощного противника, на которого работала вся поработанная Европа.

СССР же еще не закончил перевооружение своих сил. И если бы мы выставили наши новые танки под Брестом, то к моменту столкновения под Москвой от них бы ничего бы не осталось. А так, после крушения замысла блицкрига, именно немцы подошли к нашей столице с истрепанной в боях техникой.

Сталин все предусмотрел. На два месяца он сохранил танки и большую часть армии. Вместо того чтобы через две недели штурмовать Москву, немцы были вынуждены вести изнурительные бои в районах Минска, Киева.

А главные сражения Великой Отечественной — Сталинградская битва, Курская дуга — произошли уже тогда, когда технически мы смогли совершить прорыв.

В конце войны гитлеровцы имели против наших 14 тысяч — свои 2 тысячи самолетов; у нас было 11 тысяч танков, а у них — четыре.

Газета «Шварцкопф» тогда писала: «Как будто какой-то невидимый волшебник лепит из уральской глины в любом количестве советских солдат и вооружение»...

Смерть Чингисхана

— 9 мая я встретил в Москве. К сожалению, это был первый раз в жизни, когда я выпил. В войну я курил только. Был такой табак «Золотое руно», у нас на пикировщи-

ках была прекрасная кормежка, а за то, что я трезвенник, мне вручали лишнюю пачку курева.

Полтора месяца спустя, на Параде Победы, я выпил второй раз: все промокли, потому что пошел дождь, и Саша Джуга меня уговорил глотнуть коньячку. Они налили мне тонкий стакан — и все, больше ничего не помню. Приехал домой — мать говорит: «Ты — сумасшедший».

— *Есть мнение, что разведчики много пьют и не пьянеют. Вы же разведчик, то есть контрразведкой руководили...*

— Руководил Сталин. Я при сем присутствовал и выполнял его указания. Неплохо выполнял, как говорят. Мы так работали, что нас никто не знал. Есть МГБ, ГРУ, но о существовании нашего аналитического отдела мало кто ведал. Мы должны были подготавливать товарищу Сталину докладные записки о произошедшем в мире и в стране. Жил я не в Кремле. На дачу к Сталину являлся загримированным под монаха, и комендант дачи Орлов докладывал, что приехал монах с Нового Афона — лечить вождя. Являлся я к нему раз в десять дней.

— *Это уже чересчур...*

— Он стал очень подозрительным последнее время. Инсульт сказался на самочувствии. У него с головой что-то началось. Последние полгода мы не общались, потому что у нас возникли разные взгляды на то, что в стране тогда происходило, — на дело космополитов мы по-разному смотрели, к примеру. Я считал, что все наветы специально идут с Запада, чтобы развалить страну, что нельзя в каждом видеть врага, я был против еврейского дела. Но он даже и слушать меня не стал. Потом, незадолго до смерти, позвонил: «Скоро я тебя вызову. У меня на тебя виды». И все.

— *Владимир Михайлович, вы верите в то, что Сталина отравили?*

— Нет. Это невозможно. Потому что некому. Просто побоялись войти, когда он упал. По инструкции, существовавшей в охране, никто без его разрешения в его апартаменты заглянуть не мог. На всех стенах были звонки —

вот позвонит, тогда можно. Одна только уборщица Матрена Бутусова пользовалась его безграничным доверием и могла с тряпкой ходить где угодно.

Лозгачев, заместитель коменданта Ближней дачи, и Старостин оставили мне свои докладные записки о случившемся. Они до хрипоты спорили о том, кому туда идти, — как смертники. Хотя уже знали, что он там лежит без помощи и без движения. Но это сейчас все распускают языки, что надо делать и как, а тогда Сталин был Чингисханом, ребятки, — при одном его виде все падали. И они войти не рискнули.

— *И все-таки его любили...*

— Любили. Но и боялись. И то и другое было искренним и от всего сердца. Я в своей жизни два раза только переживал. Когда умерла моя мама и когда не стало товарища Сталина. Такой жесткий у меня характер. Видимо, генетика.

Шашлык по-сталински

Писатель Жухрай ведет меня в кухню, где мясо кипит на плите. Мясо — по рецепту кремлевского повара. С перцем, томатом и травами. Жухрай говорит, что этот самый повар когда-то предрекал ему шикарную ресторанный карьеру. Но какие уж тут рестораны, когда Родина в опасности.

— Извините, Танечка, что я вас немного эксплуатирую, — пододвиньте мне этот стул, пожалуйста, у меня радикулит страшнейший разыгрался...

— *Я — Катя.*

— Ах да, Катенька. Так на чем мы остановились? Я во всех академиях свои лекции о войне прочитал, там потолки падали. Так мне офицеры аплодировали. Потому что время пришло. Нельзя было допускать, чтобы Союз развалился, и нельзя было допускать, чтобы все границы стали нараспашку, чтобы люди что хотели, то и творили. Надо, надо восстанавливать старые порядки. Я думаю, что это время еще наступит. Если бы Сталин тогда не умер — все

бы по-другому пошло. Я знаю, какие у него были планы. На меня и на Джугу. Он преемника себе воспитывал. Настоящего, а не как эти... Кто потом его на съезде охаживал. Суки и перерожденцы. Не успел.

— *А что Джуга?*

— Когда Сталина не стало, он исчез. Поговаривали, что уехал к Энверу Ходже в Албанию. Году в 68-м я его видел — он приезжал в Москву, у него умерла любимая жена, Лариса-Лилиан. Он вывез ее за границу еще до 53-го. Такая красавица! Но после ее ухода он совсем потерялся, уговаривал меня, что надо делать революцию, иначе этот бардак не закончится...

— *А вы?*

— А что я? У меня другая жизнь. И я его методы не приемлю. Кто же знал, как все потом обернется... Я ведь был консультантом у Брежнева — зачем он меня взял, не знаю — по политическим вопросам, на общественных началах; деньги я у него не получал, но на пайке кремлевском находился, путевки мне давали, машину. Книги у меня регулярно выходили. Лет сорок я уже пишу. Псевдоним себе взял — по фамилии комиссара Жухрая из «Как закалялась сталь». Самая первая — «Владимир Ильич Ленин — вождь Великого Октября». Она была издана 100-тысячным тиражом. Я — обычный человек, профессор, член Союза писателей. Других чинов мне не надо!

...После порции мяса писатель Жухрай подобрел. Он уже не требовал, чтобы я не разгибаясь писала под его диктовку. Судовлетворением выслушал, что по итогам соцопроса среди российской молодежи, проведенного в марте 2008-го к 55-летию со дня смерти Иосифа Сталина, выяснилось, что наши мальчики и девочки в отличие от поколения их пап и мам Отца народов очень даже уважают и считают едва ли не величайшим деятелем XX века...

Я все же решила задать ему самый главный вопрос:

— *Владимир Михайлович, но почему вы так похожи на Сталина? Вы — его сын?*

— Я не буду ничего объяснять. Для меня это было бы счастьем. Но сам Сталин мне ни разу ни о чем подобном не говорил. Только однажды, когда мой отчим, Мироненко, который меня воспитывал, председатель лечкомиссии ЦК, попал в переделку и под трибунал, я пришел к Сталину. А я тогда не знал, что Мироненко мне не родной. «Как же так, — говорю, — он мой отец!» — «Он тебе не отец!» — ответил вождь. «А кто мой отец?» — «Посмотри в зеркало».

ЛИЧНАЯ СПЕСЛУЖБА СТАЛИНА

Дела авиаторов и моряков

Однажды Сталин пожаловался полковнику Джуге, что он, больной и старый человек, которому давно пора отойти от дел, вынужден распутывать всевозможные интриги, бороться с изменниками, очковтирателями, карьеристами и казнокрадами.

Огорчения Сталина начались с дела авиаторов.

В 1946 году к Сталину из Главного Управления контрразведки «Смерш» поступили сведения о многочисленных катастрофах самолетов и гибели летчиков в авиационных частях. Сообщение было более чем неприятное для него, который всегда лично интересовался развитием авиационной промышленности, качеством выпускаемых самолетов и моторов.

Через неделю после вручения сообщения о вредительстве авиаторов заместитель наркома обороны, начальник Главного Управления контрразведки «Смерш» генерал-полковник Абакумов в кремлевском кабинете Сталина докладывал ему о результатах расследования по этому делу.

— Установлено, — говорил Абакумов, — что на протяжении войны руководители Народного Комиссариата авиационной промышленности выпускали и, по сговору с командованием Военно-Воздушных Сил, протаскивали на вооружение Красной Армии самолеты и моторы с большим браком или серьезными конструктивно-производственными недоделками.